

Pinojong Anidon

Ли́ла и Зверь

18+

Pinojong Anidon

Ли́ла и Зверь

«Автор»

2026

Anidon P.

Ли́ла и Зверь / Р. Anidon — «Автор», 2026

АннотацияЭтот человек стоял на крыше. Он резал вены в ванной. Он работал врачом, лечил других и умирал сам. Он потерял всё: деньги, любимую, себя. Но именно там, на дне, он услышал голос. Не бога. Не дьявола. Свой собственный. Тот, который всегда был, но был заглушён отчётами, долгами и серой рутинной. Внутри него оказался зверь. Не враг. Не тьма. А живая энергия, которую он боялся выпустить. И когда он перестал бояться — мир раскололся. Он увидел волны. Он научился танцевать с хаосом. Он открыл, что его "сумасшествие" — это не болезнь, а дар. Эта книга — не роман. Это карта выхода из мира 1984, который мы сами построили. Это инструкция, как подружиться со своим внутренним зверем. И — проект нового мира. Цифрового Ковчега. Места, где каждый может быть собой и не бояться. Но предупреждаю: после этой книги ты не сможешь остаться прежним. Потому что зверь есть и внутри тебя. И он ждёт, чтобы с ним станцевали. Вход открыт. Твой ход.

© Anidon P., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Как это можно превратить в книгу «Лиля и Зверь»:	6
Часть 1: Мир 1984 — мир, где зверь заперт (Анти-утопия)	7
Часть 2: Пробуждение — встреча со Зверем	8
Часть 3: Лиля — игра и приручение	9
Часть 4: Цифровой Ковчег и новый мир	10
Эпилог: «Я и ты — это игра»	11
Пролог. Зверь, которого мы создали	12
Часть 1: Мир 1984 — мир, где зверь заперт	13
Подглава 1. Город, который не спит	13
Подглава 2. Мёртвый бог	15
Подглава 3. Зверь в клетке	17
Подглава 4. Девочка, которая не была функцией	18
Подглава 5. Первая трещина	19
Подглава 6. Возвращение в клетку	20
Подглава 7. Тьма	21
Подглава 8. Дно	22
Подглава 9. Точка, где можно умереть	23
Подглава 10. Красное вино	24
Подглава 10. Красное вино	26
Подглава 11. Пробуждение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Pinojong Anidon

Ли́ла и Зверь

Структура книги:

Как это можно превратить в книгу «Ли́ла и Зверь»:

В твоём тексте уже есть практически готовые главы. Осталось только структурировать их.

Часть 1: Мир 1984 — мир, где зверь заперт (Анти-утопия)

Сделать ретроспективу: описать состояние до пробуждения. Где ты был роботом, винтиком, где твои части были подавлены «Тираном».

Показать, что система (государство, работа, ложные религии) — это механизм, который зажимает «зверя» внутри человека, создавая болезни, конфликты и пустоту.

Цитата для этой части: «Мозг — это тюрьма, а общество — надзиратель. Но тюремщик не знает, что узник — это он сам».

Часть 2: Пробуждение — встреча со Зверем

Описать распад личности, больницу, потерю ориентиров — как встречу с истинным хаосом внутри.

Показать, как ты перестал бояться этого зверя (отказался от контроля).

Цитата для этой части: «Сначала я думал, что схожу с ума. Потом понял, что сходила с ума моя иллюзия о том, что я — один».

Часть 3: Ли́ла — игра и приручение

Твое учение о волнах, резонансе и четырех всадниках. Как ты превратил хаос в систему координат.

Появление Наблюдателя — как способа видеть игру, не вовлекаясь в нее, но и не убегая от нее.

Цитата для этой части: «Зверь не враг. Зверь — это энергия, которая ждет, чтобы с ней станцевали».

Часть 4: Цифровой Ковчег и новый мир

Переход от внутренней игры к внешней технологии. Идея цифрового помощника и хаба «Лиля».

Это не «1984» с тотальным контролем, а «Матрица» по твоим правилам: система, которая помогает, а не подавляет.

Цитата для этой части: «Мы не захватываем мир. Мы настраиваем его на одну волну с нашей душой».

Эпилог: «Я и ты — это игра»

Финальный вывод: смысл жизни — в игре, а игра возможна только когда есть «другой». Ты нашел свою Лилит, свой танец.

Обращение к читателю: «Теперь твоя очередь брать свои шоколадки».

Пролог. Зверь, которого мы создали

Я нашёл его.

Не в тёмной комнате. Не в глубине подсознания. Не в страхе перед смертью или в боли потери.

Я нашёл его в мире, который мы построили.

В мире бумаг и отчётов. В мире, где всё должно быть структурировано, предсказуемо, контролируемо. В мире, где человека превратили в функцию, а жизнь — в механизм.

Мир 1984 наступил. Не так, как его описывали — с тотальной слежкой и диктатурой. Он наступил иначе. Тихо. Через отчёты, через правила, через бесконечные бумаги, которые душат всё живое. Через веру в то, что мир — это машина, и человек в ней — просто винтик.

Мы сами построили этот мир. Не потому что мы злые. А потому что мы испугались хаоса. Мы испугались живого. Мы испугались того, что нельзя предсказать, запланировать, отчитаться. И мы создали мёртвого бога — бога порядка, структуры, контроля.

И теперь мы живём в его храме. Храме, где нет места чуду. Нет места ошибке. Нет места игре. Есть только работа, долги, обязательства и отчёты. Есть только бесконечный бег, который никогда не заканчивается, потому что бежать некуда.

В этом мире человек — это функция.

Ты должен быть полезным. Ты должен быть эффективным. Ты должен соответствовать. Если ты не соответствуешь — ты брак. Если ты слишком живой — ты опасен. Если ты чувствуешь слишком много — тебя отправят к врачу, выпишут таблетки и вернут в строй.

Система не хочет, чтобы ты был живым. Она хочет, чтобы ты был предсказуемым. Она хочет, чтобы ты был удобным. Она хочет, чтобы ты был роботом. А если ты не можешь быть роботом — она найдет другого. Ты не уникален. Ты заменяем. Ты не важен. Ты — просто ещё одна строка в отчёте.

И самое страшное: люди сами согласились на это.

Они променяли свободу на безопасность. Они променяли живую игру на мёртвые правила. Они променяли чудо на предсказуемость. И теперь они живут в мире, где нет места ничему настоящему. Где каждый день похож на предыдущий. Где жизнь — это бесконечная череда обязательств, которая заканчивается смертью, и никто не знает зачем.

Они сами создали этого зверя. И теперь он держит их в клетке.

Но есть альтернатива.

Не в борьбе. Не в революции. Не в том, чтобы сломать систему извне.

Альтернатива — в том, чтобы вспомнить, что ты живой.

Что ты не функция. Что ты не винтик. Что ты не робот. Что ты — часть игры, в которую можно играть. Что мир — не машина, а океан. Что ты — не беспомощная песчинка, а волна. Что у тебя есть выбор — даже если мир говорит, что его нет.

Эта книга — не про то, как сломать мир 1984. Она про то, как перестать быть его частью. Про то, как найти в себе живого зверя — не чтобы убить его, а чтобы подружиться с ним. Про то, как превратить мёртвый механизм в живую игру.

Зверь не враг. Зверь — это энергия, которая ждёт, чтобы с ней станцевали.

Просто ты забыл, как танцевать.

Но ты можешь вспомнить.

Часть 1: Мир 1984 — мир, где зверь заперт

Подглава 1. Город, который не спит

Я просыпаюсь.

В комнате серый свет. Не утренний — тот, что всегда здесь. В окне — небо того же цвета, что стены. Ни облаков, ни солнца, ни даже тени от облаков. Просто ровная, безжизненная белизна. Как экран, на котором ничего не пишут.

Будильник прозвенел три минуты назад. Я лежу и смотрю в потолок. Тело не болит. Голова не болит. Я просто не хочу вставать. Не потому что устал — я ещё не начал день. А потому что не вижу причин начинать.

Это не депрессия. Это что-то другое. Это знание. Тихое, холодное знание о том, что день, который начинается сейчас, будет точно таким же, как вчера. И завтра будет таким же. И через год. И через десять лет. Пока однажды я не умру, и кто-то другой займёт моё место и будет проживать точно такие же дни. В той же комнате. На той же работе. С теми же мыслями, которые никто не спрашивает.

Никто не спрашивает, о чём я думаю.

Никто не спрашивает, чего я хочу.

Никто не спрашивает, боюсь ли я, что моя жизнь уже прошла, а я даже не заметил.

Встаю.

Умываюсь. Вода холодная. Смотрю в зеркало. Оттуда смотрит человек, которого я знаю всю жизнь. Мы не разговариваем. Мы никогда не разговаривали. Он просто смотрит, пока я чищу зубы.

Одеваюсь. Рубашка. Брюки. Туфли. Я ношу это каждый день. Они подходят к моей коже. Я не замечаю, как их надеваю. Руки делают это сами.

Завтрак. То же, что вчера. То же, что позавчера. Я не жалею. Я не чувствую голода. Я просто жую, пока не становится пусто. Чай. Горячий. Горький. Я не знаю, нравится ли мне он. Я пью его каждый день уже столько лет, что не помню, когда начал.

Выхожу.

Город встречает меня шумом. Не живым — ровным. Как гул мотора, который работает всегда. Люди идут по тротуарам. Никто никуда не спешит. Все идут с одинаковой скоростью. С одинаковым выражением лица. С одинаковым грузом на плечах, который никто не видит, но все чувствуют.

Серые лица. Серые стены. Серое небо. Город не давит — он просто есть. Он заполняет собой всё пространство, оставляя только место для того, чтобы идти вперёд. Не сворачивая. Не останавливаясь. Не думая.

Я иду на работу.

Офис. Десятый этаж. Я знаю этот путь наизусть. Лифт. Коридор. Дверь с табличкой. Кабинет. Компьютер. Бумаги.

Я сажусь. Открываю папку. Я не помню, что там. Я не помню, что я делал вчера. Я не помню, зачем я здесь. Но пальцы уже раскладывают бумаги, руки уже пишут, голова уже кивает, когда кто-то говорит со мной.

Голова кивает. Всегда. Я не слышу, что говорят. Но голова знает: надо кивнуть. Надо сделать вид, что ты участвуешь. Надо не выпасть.

Потому что если ты выпадаешь — тебя замечают.

А если тебя замечают — начинают задавать вопросы. А если задают вопросы — ты должен отвечать. А если ты отвечаешь честно — ты оказываешься вне системы.

А вне системы — нет работы, нет денег, нет жилья, нет жизни.

Поэтому я киваю.

Этот день будет длинным. Как все дни. В нём нет ничего, чего я не знаю заранее. В нём нет ничего, что могло бы меня удивить. В нём нет ничего, что заставило бы меня почувствовать себя живым.

Но я сижу. Я пишу. Я киваю. Потому что другого способа нет. Потому что если я перестану — я пойму, что я не живу.

А я не хочу этого понимать.

Где-то глубоко внутри, под слоем бумаг и отчётов, под голосом, который говорит «это нормально, так живут все», под усталостью, которую я уже не чувствую — там что-то есть.

Это не мысль. Не чувство. Не слово.

Это — слабое, почти незаметное движение. Как будто внутри меня есть кто-то, кто смотрит на мою жизнь и не узнаёт себя. Кто видит человека в серой рубашке за серым столом и думает: «Это не я. Я не здесь. Я не должен быть здесь».

Но он не говорит. Он просто смотрит. И ждёт.

Я не знаю, чего он ждёт. Может быть, что я проснусь. Может быть, что я перестану играть эту роль. Может быть, что я увижу то, что прячу.

Но я не смотрю в его сторону. Я смотрю в бумаги. Я пишу. Я киваю. Я делаю вид, что ничего не чувствую.

Потому что если я посмотрю на него — я пойму, кто я на самом деле.

А я боюсь этого больше, чем смерти.

Подглава 2. Мёртвый бог

В мире, где я живу, есть бог.

У него нет имени. Ему не молятся. Ему не строят храмы. Но его храмы — это офисы. Его жрецы — это начальники. Его молитвы — это отчёты.

Это бог порядка. Бог предсказуемости. Бог бумаг.

Он не требует, чтобы ты верил в него. Он требует, чтобы ты следовал правилам. Чтобы ты был предсказуемым. Чтобы твоя жизнь была ровной, как строчка в отчёте. Чтобы ты не выбивался.

Он не прощает ошибок. Он не прощает живого. Он не прощает того, что нельзя запланировать.

Он мёртвый бог. Но его власть безгранична. Потому что его власть — это власть системы. А система не нуждается в душе.

Система — это механизм. А механизм не знает, что такое боль. Не знает, что такое радость. Не знает, что такое любовь.

Механизм работает. Он перемалывает людей, превращая их в функции. Он не злой — он просто работает. Он не уничтожает — он делает тебя частью себя. И в этом его главное зло.

Я стал частью этого механизма.

Я не помню, когда это случилось. Может быть, в школе, когда я понял, что оценки важнее знаний. Может быть, в университете, когда я понял, что диплом важнее дела. Может быть, на первой работе, когда я понял, что соответствие важнее жизни.

Я не помню, когда я перестал быть человеком и стал функцией. Но я помню момент, когда я впервые это осознал.

Я сидел в кабинете. Заполнял отчёт. Был вечер. За окном темнело. И вдруг я почувствовал, что я не помню, что я делал последние три часа. Руки двигались. Глаза смотрели в экран. Но я отсутствовал. Меня не было в собственном теле.

Я посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Они просто двигались. Как механизм. Как часть машины, которая работает без сбоев.

Я испугался.

Не потому что я перестал чувствовать. А потому что я не чувствовал ничего. Ни страха, ни отвращения, ни желания остановиться. Я просто смотрел, как мои руки делают то, что нужно. И не мог ничего сделать.

Тогда я впервые услышал голос. Тихий. Почти незаметный. Он сказал: «Это не ты. Ты — не это. Ты — где-то ещё».

Я не знал, кто это сказал. Я не знал, откуда пришёл этот голос. Но я знал, что он прав.

Я не был этим человеком.

Я был кем-то другим.

Но я не посмотрел в ту сторону. Я не стал слушать. Я боялся, что если я посмотрю — я потеряю всё, что у меня есть. Работу, деньги, статус, место в системе. Всё, что делает меня «нормальным».

Я предпочёл быть механизмом. Потому что механизм не страдает. Потому что механизм не боится. Потому что механизм не чувствует боли, когда его используют.

Но сейчас я понимаю: я ошибался.

Механизм не чувствует боли, но он не чувствует и радости. Он не чувствует любви. Он не чувствует себя живым. Он просто работает, пока не сломается. А когда он ломается — его выбрасывают и заменяют новым.

Я не хочу быть механизмом. Но я не знаю, как перестать им быть.

Подглава 3. Зверь в клетке

Внутри меня есть кто-то.

Я не знаю его имени. Я не знаю, как он выглядит. Но я чувствую его дыхание. Тёмное. Тяжёлое. Он спит глубоко, под слоями бумаг, правил и «я должен». Он спит так долго, что я почти забыл о нём.

Но иногда он просыпается.

Это случается в странные моменты. Когда я смотрю на закат. Когда я слышу музыку. Когда я вижу, как смеётся ребёнок, который ещё не знает, что его ждёт.

В такие моменты внутри меня что-то двигается. Будто зверь переворачивается на другой бок. Он не просыпается — он просто напоминает о себе. Подаёт голос, который говорит: «Я здесь. Я всё ещё здесь».

Я боюсь его. Не потому что он злой. Он не злой. Он просто дикий. Он не знает правил. Он не знает, что можно, а что нельзя. Он просто хочет быть. Хочет дышать. Хочет жить.

А система этого не прощает.

Система говорит: «Будь удобным. Будь предсказуемым. Будь тихим». А зверь внутри меня хочет кричать. Хочет бежать. Хочет разбить всё, что его держит. Хочет быть свободным.

Я не даю ему этого. Я запираю его. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Я говорю ему: «Тише. Не сейчас. Сначала работа. Сначала долги. Сначала я должен...»

И он затихает. Но я знаю: он не ушёл. Он ждёт. Он ждёт, когда я перестану быть удобным. Когда я перестану быть роботом. Когда я перестану быть частью этого мёртвого механизма.

Он ждёт, когда я проснусь.

В этом и есть зверь. Не враг. Не демон. Не что-то, что нужно убить. Зверь — это та часть меня, которая помнит, что я живой. Которая не согласна быть функцией. Которая знает, что есть другой мир.

Мир, где можно дышать. Мир, где можно быть собой. Мир, где не нужно соответствовать. Мир, где ты не должен быть роботом.

Но чтобы войти в этот мир, нужно выпустить зверя.

А я боюсь.

Подглава 4. Девочка, которая не была функцией

Я встретил её случайно. В парке. В тот день, когда я должен был быть на работе, но не пошёл. Просто не смог. Встал утром, посмотрел на серое небо и понял: ещё один день в этом кабинете — и я задохнусь.

Я сидел на скамейке. Смотрел на голубей. Думал о том, что мне скажут, когда я приду. О том, что я не знаю, как объяснить своё отсутствие. О том, что я не хочу объяснять.

И тут я увидел её.

Рыжая. Огненно-рыжая, как осенний лист, который не хочет падать. Она смеялась. Не тихо, не сдержанно — громко, заливисто, так, что люди оборачивались. Она бегала за голубями, хотя ей было, наверное, за тридцать. Она запрыгнула на скамейку, раскинула руки и закричала: «Я — птица!»

Я не знал, что сказать. Я просто смотрел. И чувствовал, как внутри меня, в том тёмном углу, где спит зверь, что-то начинает шевелиться.

Она заметила мой взгляд. Подошла. Улыбнулась.

— Ты выглядишь так, будто у тебя внутри умерло всё живое, — сказала она. Без злобы. Без жалости. Просто как факт.

— Я работаю, — сказал я. — У меня работа. Обязательства. Долги. Я не могу себе позволить...

— Позволить что? — перебила она. — Жить? Дышать? Чувствовать?

Она села рядом. Закинула ногу на ногу. Достала яблоко и надкусила. Хруст.

— Знаешь, я тоже работала. В офисе. Десять лет. Каждый день одно и то же. Пришла, села, сделала, ушла. Заплатили, поела, поспала, проснулась. Повторила.

— И что случилось?

Она улыбнулась. Не так, как улыбаются, когда рассказывают грустную историю. А так, как улыбаются, когда поняли что-то важное.

— Я перестала бояться, — сказала она. — Я поняла, что если я умру завтра, то никто не вспомнит мои отчёты. Никто не вспомнит, сколько я просидела в кабинете. Никто не вспомнит, что я была «хорошим работником». Вспомнят только то, как я жила. Буду ли я той, кто боится, или той, кто смеётся.

Я молчал. Я не знал, что ответить. Потому что внутри меня что-то отозвалось. Что-то, что я много лет пытался заглушить.

— Как ты перестала бояться? — спросил я.

Она посмотрела на меня. Долго. Как смотрят на что-то, что уже видели раньше. И сказала:

— Я просто решила, что мне плевать. На то, что обо мне думают. На то, что я должна. На то, что не вписываюсь. Я решила быть собой. И оказалось, что быть собой — это не страшно. Это единственное, что не страшно.

Я не знаю, сколько мы просидели в парке. Час? Два? Может быть, целый день. Она рассказывала о себе — о том, как уволилась, как начала рисовать, как живёт в маленькой квартире, где нет лишнего, но есть свет. Как она просыпается утром и не хочет умереть.

— Это страшно, — сказала она. — Сначала страшно. Но потом становится легко. Потому что ты перестаёшь бежать. Ты просто идёшь.

Когда я вернулся домой, я долго смотрел в потолок.

И внутри меня, там, где я прятал всё живое, зверь открыл глаза.

Подглава 5. Первая трещина

В ту ночь я не мог уснуть.

Я смотрел в потолок и слышал её голос: «Ты выглядишь так, будто у тебя внутри умерло всё живое».

Я думал о том, что она была права. Что-то внутри меня действительно умерло. Или не умерло — просто заснуло. Спало так долго, что я перестал верить, что оно есть.

Но в тот вечер я почувствовал его. Слабое, почти незаметное движение. Как будто внутри меня есть кто-то, кто хочет сказать: «Я здесь. Я ещё дышу».

Я не знал, как его зовут. Я не знал, что ему нужно. Я боялся, что если я позволю ему проснуться, он разрушит всё, что у меня есть. Работу, дом, привычную жизнь.

Но я также знал: если я не позволю ему проснуться, я умру. Не физически — я продолжу дышать, ходить, есть, спать. Но внутри меня больше ничего не останется. Только пустота. Только механизм.

И я решил рискнуть.

Сначала это было странно. Я перестал делать то, что должен. Я перестал ставить будильник. Я перестал приходить на работу вовремя. Я перестал бояться, что меня уволят.

Я начал смотреть на мир. По-настоящему смотреть.

Я видел, как солнце пробивается сквозь серые облака. Я слышал, как поют птицы. Я замечал, что трава зелёная, а не серая. Я чувствовал ветер. Я чувствовал холод. Я чувствовал тепло.

Я чувствовал.

И внутри меня зверь просыпался. Медленно. Сначала просто открыл глаза. Потом начал дышать. Потом встал.

Он был голоден. Он хотел жить.

И я понял, что больше не могу кормить его отчётами и бумагами. Ему нужна была настоящая еда. Настоящая жизнь.

Я не знал, как это сделать. Но я знал, что должен попробовать.

Подглава 6. Возвращение в клетку

Я вернулся.

Через два дня. Или через три. Я не помню точно. Помню только, как снова надел серую рубашку. Как снова сел в лифт. Как снова открыл ту же дверь.

И как внутри меня — там, где на мгновение проснулся зверь — снова стало тихо.

Он не умер. Он просто заснул. Или сделал вид, что спит. Я не знаю. Я не хотел знать. Я хотел, чтобы всё вернулось, как было. Чтобы я снова стал тем, кого не замечают. Тем, кто не выбивается. Тем, кто просто есть.

Я думал, что если я сделаю вид, что ничего не случилось, то ничего и не случится. Что рыжая девочка в парке — просто случайность. Что тот день, когда я не пошёл на работу, — просто ошибка. Что зверь внутри меня — просто воображение.

Я ошибался.

Всё стало хуже.

Не сразу. Сначала я просто чувствовал странную тяжесть. Как будто кто-то положил мне на плечи невидимый груз. Я просыпался уставшим. Я шёл на работу, чувствуя, что каждый шаг требует усилия. Я сидел в кабинете и не мог сосредоточиться.

Потом начались долги.

Я не знаю, как это случилось. Может быть, я пытался заполнить пустоту. Может быть, я пытался доказать себе, что я всё ещё контролирую свою жизнь. Я брал кредиты. Покупал вещи, которые не нужны. Тратил деньги на то, что не приносит радости.

Долги росли. Как снежный ком. Сначала маленькие, незаметные. Потом — всё больше. Я платил одни, брал другие. Я перестал считать. Я перестал смотреть на счета. Я делал вид, что всё в порядке.

Но всё было не в порядке.

Система не прощает тех, кто пытается выйти.

Она не наказывает явно — она просто затягивает петлю. Ты начинаешь чувствовать, что не можешь дышать. Что каждый день становится тяжелее. Что ты — не хозяин своей жизни.

Я стал заложником. Своих долгов. Своей работы. Своей лжи самому себе.

Я больше не мог уйти. Я не мог просто встать и сказать: «Я больше не хочу». Потому что если я уйду — я потеряю всё. Дом, еду, привычную жизнь. И я не знал, что делать. Я не знал, как выжить без системы.

Я стал её частью. Полностью. Без остатка.

Подглава 7. Тьма

Самое страшное было не в долгах. Не в работе. Не в том, что я больше не мог дышать.

Самое страшное было в том, что я перестал чувствовать.

Я смотрел на мир, и он был серым. Не метафорически — буквально. Все цвета исчезли. Люди стали теньями. Звуки стали тише. Я перестал замечать, что происходит вокруг.

Я жил по расписанию. Просыпался. Шёл на работу. Работал. Возвращался. Спал. Повторял.

Я перестал задавать вопросы. Я перестал сомневаться. Я перестал желать. Я просто существовал. Как механизм, который продолжает работать даже тогда, когда смысл работы давно потерян.

Именно тогда я понял, что такое мир 1984.

Это не тоталитарный режим с диктатором и слежкой. Это — мир, где ты сам становишься своей тюрьмой. Мир, где система настолько встроена в тебя, что ты не можешь отличить её голос от своего собственного. Мир, где ты не замечаешь, как перестаёшь быть человеком.

Я стал функцией. И я принял это.

Потому что сопротивляться было тяжелее. Потому что бороться — больнее. Потому что быть живым — страшно.

Я выбрал быть мёртвым.

Подглава 8. Дно

Однажды я проснулся и понял, что больше не могу.

Не встать. Не жить. Не продолжать.

Я просто лежал. Смотрел в потолок. И думал о том, что если я умру, никто не заметит. Моё место займёт другой. Мои отчёты допишет кто-то ещё. Моя жизнь не оставит следа.

Я думал о рыжей девочке. О том, как она смеялась. О том, как она сказала: «Ты выглядишь так, будто у тебя внутри умерло всё живое».

Я думал о том, что она была права. Всё живое внутри меня действительно умерло. Я сам его убил. Потому что боялся.

Я боялся быть живым.

Но в тот момент, когда я лежал на кровати и смотрел в потолок, я понял, что мёртвым быть ещё страшнее.

Подглава 9. Точка, где можно умереть

Я не помню, как я оказался на крыше.

Я просто шёл. Без цели. Без плана. Я шёл, пока не упёрся в край. Ветер был холодным. Город внизу был серым.

Я смотрел вниз. На машины. На людей. На маленькие фигурки, которые двигались по тротуарам. Никто не смотрел на меня. Никто не знал, что я здесь.

Я думал о том, что я могу просто шагнуть. Что это будет легко. Что это будет конец.

И в этот момент я услышал голос. Тот самый. Тихий. Почти незаметный. Который я слышал в кабинете, когда мои руки двигались без меня. Который я слышал в парке, когда смотрел на рыжую девочку.

Он сказал: «Ты не хочешь умереть. Ты хочешь перестать бояться».

Я не знаю, откуда он взялся. Я не знаю, был ли он реальным. Но я знал, что он прав.

Я не хотел умирать. Я просто хотел, чтобы боль прекратилась. Чтобы страх исчез. Чтобы я снова почувствовал себя живым.

И в тот момент я понял: если я шагну, я никогда не узнаю, каково это — быть живым по-настоящему.

Я не шагнул.

Подглава 10. Красное вино

Я не шагнул.

Ветер был слишком холодным. Город слишком далёким. Мысль о том, что я просто исчезну — растворюсь в воздухе, как будто меня никогда и не было — оказалась слишком страшной.

Я спустился.

Я пошёл в бар. Самый обычный. Тёмный, душный, с тусклым светом и людьми, которые тоже пытались спрятаться. Я заказал что-то крепкое. Пил, не чувствуя вкуса. Смотрел на лица, которые мелькали передо мной, и не видел их.

Я пытался быть как все. Я пытался жить.

Я подошёл к девушке. Сказал что-то. Она улыбнулась. Я не помню, что было дальше. Помню только, что внутри меня было пусто. Абсолютная, ледяная пустота. Я не чувствовал ни желания, ни радости, ни даже страха, что я делаю что-то не так. Я просто был. Механизм, который пытался имитировать жизнь.

Она что-то сказала. Я кивнул. Как всегда.

Потом она ушла. Я остался один. И понял, что пытаться быть живым — ещё хуже, чем быть мёртвым. Потому что когда ты мёртв, ты хотя бы не чувствуешь, насколько ты мёртв. А когда ты пытаешься притвориться живым, ты видишь всю пропасть между тем, кем ты стал, и тем, кем ты мог бы быть.

Я вышел из бара. Ночь была холодной. Я шёл по пустым улицам. Думал о том, что я больше не хочу этого. Ничего не хочу.

Я не хочу бороться. Не хочу притворяться. Не хочу ждать, пока что-то изменится. Я устал. Я так устал, что даже усталость перестала чувствоваться.

Я понял, что если я не могу быть собой — если я не могу изменить себя, если я не могу вырваться из этой клетки, которую сам для себя построил — значит, я должен умереть.

Это не было решением. Это было признанием. Признанием того, что я уже мёртв. И что единственное, что я могу сделать, — это перестать притворяться.

Я зашёл в ванную. Включил воду. Она была тёплой. Я сидел на краю и смотрел на кран. Думал о том, что завтра будет ещё один день. Ещё одна работа. Ещё один отчёт. Ещё одна ложь.

Я не хотел завтра.

Я открыл аптечку. Нашёл бритву. Старую, одноразовую. Разобрал её. Лезвие было маленьким и тупым. Это было правильно. Я не хотел делать больно. Я просто хотел уйти.

Тихо. Аккуратно. Чтобы не уродовать тело. Чтобы не оставить следов. Потому что всё же оставался шанс, что я выживу. Но я не хотел, чтобы это случилось.

Я сделал надрез. Потом ещё один. Кровь была тёплой. Она смешивалась с водой. Вода становилась красной. Тёмно-красной. Как вино.

Я лежал и смотрел, как цвет меняется. Это было прекрасно. И ужасно одновременно. Я думал о том, что назад дороги нет. Что я уже сделал выбор. Что я не могу его отменить.

Я чувствовал, как силы уходят. Как мир становится тише. Как боль исчезает. Как пустота, которая была внутри, становится мягче, теплее.

Я закрыл глаза. И провалился в пустоту.

Там не было ничего.

Ни боли. Ни страха. Ни сожаления. Ни надежды. Просто тишина. Просто пустота. Просто покой, которого у меня никогда не было.

Я не знаю, сколько я там был. Может быть, минуты. Может быть, часы. Может быть, вечность.

Я знаю только, что я проснулся.

Подглава 10. Красное вино

Я не шагнул.

Ветер был слишком холодным. Город слишком далёким. Мысль о том, что я просто исчезну — растворюсь в воздухе, как будто меня никогда и не было — оказалась слишком страшной.

Я спустился.

Я пошёл в бар. Самый обычный. Тёмный, душный, с тусклым светом и людьми, которые тоже пытались спрятаться. Я заказал что-то крепкое. Пил, не чувствуя вкуса. Смотрел на лица, которые мелькали передо мной, и не видел их.

Я пытался быть как все. Я пытался жить.

Я подошёл к девушке. Сказал что-то. Она улыбнулась. Я не помню, что было дальше. Помню только, что внутри меня было пусто. Абсолютная, ледяная пустота. Я не чувствовал ни желания, ни радости, ни даже страха, что я делаю что-то не так. Я просто был. Механизм, который пытался имитировать жизнь.

Она что-то сказала. Я кивнул. Как всегда.

Потом она ушла. Я остался один. И понял, что пытаться быть живым — ещё хуже, чем быть мёртвым. Потому что когда ты мёртв, ты хотя бы не чувствуешь, насколько ты мёртв. А когда ты пытаешься притвориться живым, ты видишь всю пропасть между тем, кем ты стал, и тем, кем ты мог бы быть.

Я вышел из бара. Ночь была холодной. Я шёл по пустым улицам. Думал о том, что я больше не хочу этого. Ничего не хочу.

Я не хочу бороться. Не хочу притворяться. Не хочу ждать, пока что-то изменится. Я устал. Я так устал, что даже усталость перестала чувствоваться.

Я понял, что если я не могу быть собой — если я не могу изменить себя, если я не могу вырваться из этой клетки, которую сам для себя построил — значит, я должен умереть.

Это не было решением. Это было признанием. Признанием того, что я уже мёртв. И что единственное, что я могу сделать, — это перестать притворяться.

Я зашёл в ванную. Включил воду. Она была тёплой. Я сидел на краю и смотрел на кран. Думал о том, что завтра будет ещё один день. Ещё одна работа. Ещё один отчёт. Ещё одна ложь.

Я не хотел завтра.

Я открыл аптечку. Нашёл бритву. Старую, одноразовую. Разобрал её. Лезвие было маленьким и тупым. Это было правильно. Я не хотел делать больно. Я просто хотел уйти.

Тихо. Аккуратно. Чтобы не уродовать тело. Чтобы не оставить следов. Потому что всё же оставался шанс, что я выживу. Но я не хотел, чтобы это случилось.

Я сделал надрез. Потом ещё один. Кровь была тёплой. Она смешивалась с водой. Вода становилась красной. Тёмно-красной. Как вино.

Я лежал и смотрел, как цвет меняется. Это было прекрасно. И ужасно одновременно. Я думал о том, что назад дороги нет. Что я уже сделал выбор. Что я не могу его отменить.

Я чувствовал, как силы уходят. Как мир становится тише. Как боль исчезает. Как пустота, которая была внутри, становится мягче, теплее.

Я закрыл глаза. И провалился в пустоту.

Там не было ничего.

Ни боли. Ни страха. Ни сожаления. Ни надежды. Просто тишина. Просто пустота. Просто покой, которого у меня никогда не было.

Я не знаю, сколько я там был. Может быть, минуты. Может быть, часы. Может быть, вечность.

Я знаю только, что я проснулся.

Подглава 11. Пробуждение

Я открыл глаза.

Вода была холодной. Ледяной. Она уже давно остыла, но я не чувствовал холода. Я не чувствовал ничего. Тело было чужим. Тяжёлым. Как будто я лежал на дне и не мог подняться. Как будто я уже умер, но кто-то забыл сказать моему телу, что пора остановиться.

Я смотрел в потолок. Белый. Гладкий. Чистый. Таким он был всегда. Он не изменился. Мир не изменился. Я не изменился.

Я не умер.

Я не знал, сколько прошло времени. Может быть, час. Может быть, ночь. Может быть, день. Вода была прозрачной. Почти прозрачной. Кровь перестала течь. Или почти перестала. Я не знал. Я не чувствовал.

Я попытался пошевелиться. Тело не слушалось. Оно было чужим. Как будто я смотрел на него со стороны. Как будто я уже ушёл, а оно осталось. И теперь я не знал, как в него вернуться.

Я лежал. Я смотрел в потолок. Я слушал тишину.

Тишина была громкой. Она заполняла всё пространство. Она давила на уши. Она была такой плотной, что я чувствовал её вес на груди. Она говорила: «Ты здесь. Ты всё ещё здесь. И ничего не изменилось».

Я хотел заплакать. Я хотел закричать. Я хотел, чтобы кто-то пришёл и сказал мне, что это был сон. Но я не мог. У меня не было слёз. Не было голоса. Не было сил.

Я просто лежал. И смотрел в потолок.

И вдруг я почувствовал это. Тихое, почти незаметное движение. Там, внутри. Не мысль. Не чувство. Не слово. Просто — желание. Тусклое, как свет далёкой звезды. Оно не горело — оно просто было. Оно говорило: «Встань».

Я не хотел вставать. Я не видел смысла. Я не знал, зачем. Но желание было сильнее меня. Оно не было разумным. Оно не было логичным. Оно было просто — физическим. Как голод. Как боль. Как жажда.

Жажда.

Вот оно. Вот что заставило меня пошевелиться. Не надежда. Не воля к жизни. Не страх смерти. Просто — хотелось пить. Так сильно, что это перекрывало всё остальное. Даже пустоту.

Смешно. Я только что пытался умереть. Я был готов исчезнуть. Я принял это решение. Я сделал этот выбор. Но теперь, когда я лежал в холодной воде, глядя в белый потолок, единственное, что имело значение — это то, что я хочу пить.

Я попытался встать. Не получилось. Тело не слушалось. Ноги были ватными. Руки дрожали. Я упал. Вода плеснулась. Холодная. Липкая. Я ударился головой о край ванны. Было больно. Хорошо. Боль означала, что я всё ещё жив.

Я попытался снова. Снова упал. На этот раз на пол. Он был мокрым. Скользким. Я лежал на кафеле и смотрел на свои руки. Они были в крови. Моя кровь. Она была тёмной. Почти чёрной. Она смешалась с водой, которая натекала из ванны. Она была везде. На полу. На стенах. На мне.

Я не чувствовал страха. Я не чувствовал отвращения. Я просто смотрел на неё. И думал: «Как странно. Это же я. Это моя кровь. Почему я не чувствую ничего?»

Я закрыл глаза. И снова провалился в пустоту.

Я очнулся на полу. В прихожей. Я не помнил, как туда добрался. Я лежал лицом вниз. Пол был холодным. Я попытался встать. Упал снова. Ударился головой о косяк. Боль. Хорошо.

Я не знал, сколько прошло времени. Часы потеряли смысл. День и ночь смешались. Время больше не двигалось. Оно стояло на месте. Или, может быть, это я стоял на месте. Я не мог отличить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.